

Особенности поэтики сказок Василия Фирсова

В современной литературе Карелии выделяются два писателя, специфическая сторона творчества которых определяется отражением народного опыта, воплощенного в фольклоре. Именно такому опыту, говоря словами А. Т. Твардовского, эти писатели «находят в своем творчестве свой ряд»,¹ апеллируя к народно-поэтическому источнику, подчиняя его своей авторской воле. Речь идет о Викторе Пулькине и Василии Фирсове.

Если творчество Виктора Пулькина – фольклориста-собираателя, известного писателя, автора ряда книг сказов, основанных на «досюльщине стародавней», (первая появилась в 1973 году) – не раз оказывалось в центре внимания критиков и литературоведов,² то Василий Фирсов долго оставался вне поля зрения. Он пришел в литературу в 1992 году (тогда вышли в свет две книги сказок – «Чужой домово́й», «Сказки деда Северьяна»), позже появились публикации в журнале «Север» и республиканской прессе, затем сборники «Слово за щекой» (Вытегра, 1998) и «Озорные сказки» (Петрозаводск, 2003). Тем не менее до недавнего времени лишь несколько газетных откликов (даже не рецензий) и сказанное в обзоре литературы 1990-х годов, принадлежащем Ю. И. Дюжеву,³ было единственным свидетельством признания писателя. Первая статья «Сказки Василия Фирсова», написанная автором этих строк и студенткой Карельского педагогического университета Т. В. Рединой, была опубликована в журнале «Карелия» на финском языке.⁴ В 2003 году я была приглашена в Поморский университет на международную конференцию «Наследие Бориса Шергина в изменяющейся России», где был представлен доклад «Размышления о писателе-сказочнике Василии Фирсове». Теперь он опубликован в сборнике «Наследие Бориса Шергина».⁵ В развитие и продолжение этого доклада остановлюсь на некоторых особенностях поэтики писателя-сказочника В. Фирсова.

Как всякий писатель, создающий литературную сказку (эта традиция идет от В. А. Жуковского и А. С. Пушкина к литературным сказкам наших дней, к сказке Л. Филатова

¹ Твардовский А. Т. О литературе. М., 1973. С. 260. (О времени и о себе).

² См.: Рогощенков И. К. В. И. Пулькин // История литературы Карелии : в 3 т. / Российская Академия наук ; Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2000. Т. 3. С. 245–255.

³ Дюжев Ю. И. Русская литература Карелии 1990-х годов // История литературы Карелии : в 3 т. Петрозаводск, 2000. Т. 3. С. 315.

⁴ S. Loiter, T. Redina. Vasili Firsovin sadut // Carelia. – 2004. – № 1. – P. 105–109.

⁵ Лойтер С. М. Размышления о писателе-сказочнике Василии Фирсове // Наследие Бориса Шергина : сб. ст. / сост. и отв. ред. Е. Ш. Галимова. – Архангельск, 2004. С. 70–80.

«Про Федота-стрельца, удалого молодца»), В. Фирсов следует главному, релевантному признаку сказки как жанра – сознательности вымысла, который В. Я. Пропп определил как «нарочитая поэтическая фикция».⁶ Однако это следование в сказках В. Фирсова приобретает самобытный и неповторимый характер. И об этом, используя термин П. Г. Богатырева, «сигнализирует» и фольклорный материал, который лежит в основе сказок, и способы его художественного преобразования.

Из русских писателей-сказочников Василию Фирсову ближе всего Б. Шергин и С. Писахов. Быть может, это объясняется тем, что все они принадлежат Русскому Северу, возвращены и вскормлены одинаковыми климатическими и бытовыми условиями. Вместе с тем у них было разное фольклоропорождающее окружение: Шергина и Писахова вскормила поэтически одаренная поморская среда, всячески «поощрявшая артистическое исполнение и безудержную импровизацию», Фирсова – в детстве и юности изустное слово вологодской деревни, где он позже записывал поговорки, присловья, народную речь, а затем сознательное погружение в стихию севернорусского фольклора.

Рассмотрение 159 сказок Фирсова и сопоставление их с главным инструментарием в изучении восточнославянской сказки Сравнительным Указателем Сюжетов (СУС) позволяет сделать вывод о том, что их основным источником являются новеллистическая (бытовая) и «животная» сказки (история русской литературной сказки убеждает в преобладающем обращении их авторов к сюжетам и мотивам волшебной сказки).

Семь из восьми сказок о животных Фирсова имеют непосредственный фольклорно-сказочный источник, и вместе с тем каждая из них представляет собой оригинальную, индивидуально-профессиональную версию традиционного сюжета или мотива со своей аргументацией и смыслом. В «животных» сказках Фирсова в каждом отдельном случае свой, придуманный или пересозданный сюжет, свои, переосмысленные или обновленные персонажи и образы, своя художественная задача и своя философия. В сказке «Как дружили лиса да заяц», восходящей к широко распространенному типу – «Заяц и лисица» (СУС 36), известный мотив – хождение в гости – трансформировался в совершенно новый, оригинальный сюжет, в котором традиционно трусливому и слабому зайцу отводится непривычная для него роль: он совершает поступки, несвойственные своему фольклорному прототипу. Заяц не только хлебосолен и щедр, но полон достоинства и действенной справедливости. А в сказке «Перышко» (отдельные ее мотивы перекликаются с сюжетом «Заяц-хвостун» – СУС 70) опять же зайцу, но еще и волку, и медведю, хваставшимся, но не сумевшим закинуть перышко на дерево, противостоит маленький смешливый мышонок. Давая возможность самому маленькому ощутить свое превосходство, Фирсов становится на точку зрения ребен-

⁶ Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 40.

ка, выражает самое непосредственное и простодушное сознание, утверждающее полноценность детства и силу маленького существа. Тем самым происходит обновление и обогащение народной традиции, наполнение ее новыми, волнующими современного писателя, идеями и образами. Многомерен нравственный, даже социальный смысл, мудрость сказки «Шел однажды ежик», не имеющей аналога в Сюжетном Указателе. Простодушная и незатейливая сказка как будто предупреждает: тщетно надеяться на избирательность зла, оно не щадит никого, а добро не должно, не имеет права быть беспомощным.

В многочисленных бытовых сказках своей частотностью выделяются тематические группы о ленивых и нерадивых людях, о неверных женах, о солдате, о вечных глупцах. Отдельный цикл про Степанушку-простачка заставляет вспомнить то Иванушку-дурачка из народных сказок, то неистребимых пошехонцев, то Шиша из поморских «скоморошьих старин»⁷ и «Поморских сказок» Б. Шергина. Вместе с тем Степанушка не адекватен ни одному из этих типов.

Изобретательна, неистоцима, выдумка Фирсова, когда он изображает лень. Она и качество, характеризующее того или иного сказочного персонажа, и антропоморфный, персонифицированный (персонифицированы в его сказках *глупость, совесть, смерть, нужда, стыд, грех, правда*) образ, который ведет себя совершенно самостоятельно. «Десять Андронов» из одноименной сказки символизируют доведенные до абсурда, гипертрофированные лень и безалаберность, актуализирующие многие явления нашей нынешней жизни и утверждающие реальность фантастического. А очеловеченные и превращенные благодаря субстантивации служебных частей речи Авоська, Небоська и Как-нибудь в сказке-притче «Три товарища» выражают авторскую точку зрения на достаточно распространенный способ вечного, современного, в том числе жизненного поведения и жизнеустройства.

Одна из особенностей художественного мира в сказках Фирсова – интерес к созданию нарочито нелепой, небывалой, перевернутой или вывернутой наизнанку действительности. Такой «смеховой мир» (М. М. Бахтин) предстает, прежде всего, в сказках о пошехонцах, в которых доведенная до абсурда, алогизма глупость преподает уроки мудрости («Про Киндасово», «Говорящий блин», «Как зипун на шубе женился», «Как старик кукиши продавал», «Кому шуба, кому рукава», «Как Андрон холод выносил»). Их оксюморонный юмор усиливается рифмованным, так называемым раешным или говорным стихом. В. Фирсов широко использует говорной, раешный, юмористический по своей природе стих («Сидор-добродел», «Нашел мужик пятак», «Небылица про небылицу», «Летела сорока»).

⁷ Григорьев А. Д. Архангельские былины и исторические песни. М., 1904. Т. 1. С. XIX.

По словам Д. С. Лихачева, «рифма – один из способов балагурства. Рифма провоцирует сопоставление разных слов, «оглупляет» и «обнажает» слово. Рифма создает комический эффект».⁸ «Сказки деда Северьяна» предваряет написанный раешным стихом автоэпиграф, в котором манифестируется маска рассказчика деда Северьяна (антропоним подчеркивает связь с севером), жизнелюба, весельчака и балагура. Это сознательная реминисценция из ярмарочного райка, который в народном театре представляет репертуар балаганных дедов и карусельных зазывал:⁹

Я – дед Северьян,
Я не тих и не буян,
Я не трезв да и не пьян,
Не Федот и не Лукьян.
Не старик я – старичок:
Бороды один клочок.
На печи и на стогу,
За столом и на лугу,
На зеленом берегу
Сказки сказывать могу...

Превосходно владея этой формой народной речи, Фирсов обогащает ее, обновляя рифменный и лексический ряд. И это касается как названия сказки («Раскидай хлевец, наруби дровец», «Дядя Филат подарил десять утят»), так и ее сюжета. Сочетание того и другого содержит сказка «И понял Митроха, что – хорошо, а что – плохо», использующая прием обращений-отсылок народной кумулятивной сказки «Смерть петушка» (СУС АТ 2021 А; 241 1; 2032), ее ритмико-стилистический ход и логику. Безалаберный и ленивый Митроха, живущий по принципу «авось», оставшись зимой без дров, идет за помощью к соседу Ивану, который согласен их дать, если сосед Степан даст возок сенца; сосед Степан согласен дать возок сенца, если кум Наум даст мешок муки; кум Наум просит взамен шубу и отправляет к свату Ипату и т. д. Игровая в своей основе кумулятивная форма дала жизнь сказке-притче с очень определенной нравственной мыслью: «Думал Митроха, думал, да и думать перестал, топор из-под лавки достал, лошадь запряг, в лес ударился. Весь день топором махал, хорошо отогрелся, дров привез – до весны хватит. Натопил Митроха избу, мороз выжил, иней по углам свел, на печи лежит, добрых людей благодарит: «Спасибо Петьке с коромыслом,

⁸ Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 27.

⁹ См.: Фольклорный театр / сост., вступ. ст., предисл. к текстам и коммент. А. Ф. Некрыловой и Н. И. Савушкиной. М., 1988. С. 379–430.

свату Ипату да куму Науму, да Степану с Иваном – научили жить, за дровами в лес ходить, по соседям не искать, может сказку снова начать да еще рассказать...».

Тенденция к рифмованной скоморошьей речи соединяется в сказках Фирсова с использованием разнообразия пословично-поговорочных форм. Принцип, когда «сказка цитирует пословицу» известен народной традиции. Так, пословичные формы встречаются в сказках «Иван Королевич», «Старичок Осип и три попа», «Купечь Скоробогатой» из сборника Б. М. и Ю. М. Соколовых «Сказки и песни Белозерского края». ¹⁰ «Речь идет о классе пословиц (в свое время он очень интересовал Г. Л. Пермякова), которые мотивированы сказками». ¹¹ Фирсов этот прием фольклорной цитации использует наоборот: его сказки мотивированы пословицами, которые оказываются сюжетобразующим фактором. «На сюжеты наталкивает чтение русских пословиц. Я их читаю, возвращаясь не раз, выписываю», – признавался он в одном из интервью. Фантазия сказочника позволяет ему превратить лаконично выраженную пословичную мудрость в целое повествование с действиями, персонажами и всей сказочной атрибутикой. Так, присловье «Не будь приметливый, будь приветливый» материализовалось в сказку «Приметливый да приветливый», пословица «Не кнутом лошадь погоняй, а мешком» – дала жизнь сказке «Мужик Федул», пословица «Не дал Бог ума – может, даст тебе сума» – сказке «Горбатая бабка», пословица «Дурака валяю, ума добавляю» – сказке «Как мужики дурака валяли», пословица «И рад бы дать, да надо сено метать» – сказке «Как Федот стал не тот», пословица «В городе не пашут, а калачи едят» – сказке «Как Филофей избу продавал». И этот ряд можно было бы продолжить.

Сказки Фирсова вобрали в себя не только русскую народно-сказочную традицию и не только поэтику сказки. Они являются результатом пересоздания, трансформации традиций и поэтики анекдота, «малых» фольклорных жанров (пословичных форм, загадки), частушки, народных мифологических рассказов. Но особенно сильно в них следование народной «смеховой культуре» в виде площадно-ярмарочного, скоморошьего искусства и травести народного театра. Такое невозможно ни в одной из жанровых разновидностей («животной», волшебной, бытовой) народной сказки, которая обладает своей «морфологией», своей устойчивой поэтикой и живет в строгом соответствии со своей «сказочной обрядностью». Сплавить воедино, синтезировать разные фольклорные (и литературные) традиции, подчинив их авторской воле, авторскому замыслу и авторской фантазии может писательская сказка, дающая новую жизнь одному из самых древних жанров народного слова.

¹⁰ См. в сб.: Сказки Белозерского края / зап. Б. М., Ю. М. Соколовы ; сост. и коммент. Л. В. Федоровой. Архангельск, 1981. № 40, 43, 47.

¹¹ Левинтон Георгий. «Интертекст» в фольклоре // *Voces Amicorum Guilhelmo voigt Sexagenario*. Budapest, 2000. P. 28.

Сказки Фирсова свидетельствуют о том, что в литературу пришел самобытный писатель, писатель ярко выраженной индивидуальности. Они доказывают действенность и благотворность севернорусской традиции, они убеждают, насколько сильны ее импульсы, какие разные и совершенно непохожие в сфере индивидуального творчества явления она рождает.